

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371.12(091)(470.5)
ББК 4403(235.55)6-4

ГСНТИ 14.35.07

Код ВАК 13.00.02

Бахтина Ирина Леонидовна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: bahtina@uspu.me

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru

СОВЕТСКИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ И УЧИТЕЛЬСТВО В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (АВГУСТ 1919 – НАЧАЛО 1921 Г.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданская война; советская педагогика; общеобразовательные школы; школьные реформы; школы-коммуны; учительство.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу политики Советской власти, направленной на реформирование общеобразовательных учебных заведений Екатеринбурга в период после освобождения города от власти белогвардейцев для перехода к мирному строительству в начале 1921 г. Преобразования были направлены на становление системы единой трудовой школы с совместным обучением девочек и мальчиков, ликвидацию разноместности в управлении школами. Авторами показан отход от демократических тенденций в управлении учебными заведениями, имевшими место ранее, в годы революции, освещаются попытки советских органов народного образования ввести в школах занятия по «трудовым процессам», создания школ-колоний и школ-коммун. Анализируется политика большевистского руководства, направленная на привлечение к активному сотрудничеству различных категорий учителей, проведение мероприятий по повышению профессионального и политического уровня педагогов. Публикация является продолжением статей И. Л. Бахтиной и М. В. Попова [1] и И. М. Клименко и М. В. Попова [12], помещенных в журнале «Педагогическое образование в России» в конце 2016 – начале 2017 гг., и завершением освещения истории общеобразовательных школ и учительского сообщества Екатеринбурга в годы революции и гражданской войны.

Bakhtina Irina Leonidovna,

Candidate of History, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching History, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Popov Mikhail Valerevich,

Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

SOVIET SECONDARY SCHOOLS AND TEACHING IN EKATERINBURG IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR (AUGUST 1919 – BEGINNING OF 1921)

KEYWORDS: civil war; Soviet pedagogy; comprehensive school; school reform; school-community; teaching.

ABSTRACT. This article analyzes the policy of the Soviet government, aimed at reforming the secondary schools of Ekaterinburg to start peaceful development in early 1921 after liberation of the city from the power of the White. The reform was aimed at the establishment of unified co-educational labour schools, and dissolution of different departments in the system of school management. The article describes break-away from the democratic tendencies in the management of educational institutions that took place during the revolution; it highlights the attempts of the Soviet authorities to introduce shop classes and to establish labour camp schools and school-communities. The policy of the Bolshevik authorities is analyzed, which aimed at promotion of active co-operation between different categories of teachers, and the development of meetings and events to enhance the professional and political level of teachers. The publication is the continuation of the articles by I. Bakhtina and M. Popov and I. Klimenko and M. Popov, published in the journal "Pedagogical Education in Russia" in 2016 – 2017. This paper completes the description and analysis of the history of comprehensive schools and the teaching community of Ekaterinburg in the years of revolution and civil war.

Сто лет назад в России начались революция и последующая за ней гражданская война, оставившие глубокий след во всех сферах общественной жизни как различных регионов, так и страны в целом. Изменения, произошедшие в работе

общеобразовательных учреждений и деятельности учительства в Екатеринбурге в эти поворотные для исторического развития годы, нашли отражение в статьях, помещенных в журнале «Педагогическое образование в России» в конце 2016 – начале

2017 гг. Публикация И. Л. Бахтиной и М. В. Попова [1] охватывает период 1917 – первую половину 1918 г., а статья И. М. Клименко и М. В. Попова [12] посвящена событиям в Екатеринбурге во время деятельности белогвардейских правительств.

Логическим продолжением изучения истории народного образования в столице Урала в годы революции и гражданской войны является настоящая статья, в которой авторы впервые на основе архивных и опубликованных источников попытались исследовать события, происходившие в учительском сообществе Екатеринбурга после восстановления в городе советской власти во второй половине 1919 – начале 1921 г., когда гражданская война в масштабах России еще продолжалась.

Тем более что ученые, занимавшиеся изучением истории становления советской общеобразовательной школы в Уральском регионе, в своих работах специально не рассматривают особенности этого периода гражданской войны, а начало своих исследований ведут с 1921 г., когда в России в основном гражданская война закончилась и большевистское руководство перешло от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике [2; 13; 17].

Сразу после вступления Красной армии в Екатеринбург в июле 1919 г. Советской властью начинается создание централизованных органов управления народным просвещением на основе декрета Совнаркома РСФСР от 5 июля 1918 г. «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» и школьной реформы осени 1918 г., означавшей отказ от разноместности дореволюционной системы образования и переход к единой трудовой общеобразовательной школе с двумя ступенями. Восстановление Советской власти совпало с административно-территориальными изменениями на Среднем Урале: из состава Пермской губернии как самостоятельная административная единица выделяется Екатеринбургская губерния и Екатеринбург из уездного становится губернским центром.

Уже в первых числах августа 1919 г. был создан Екатеринбургский губернский отдел народного образования (губоно), во главе с командированными из Москвы работниками Наркомпроса РСФСР С. И. Канатчиковым и Р. Н. Фрумкиной [5, л. 6]. Образовательными учреждениями г. Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда руководил уездно-городской отдел во главе с С. А. Каганом [6, л. 20]. 20 сентября 1919 г. коллегия Екатеринбургского губоно принимает решение в соответствии с декретом Наркомпроса

РСФСР о разделении всех школ на первую и вторую ступень следующим образом: первые три класса мужской гимназии и реального училища, первые четыре класса женских гимназий, первые три класса высших начальных училищ, первые два класса торговой школы и все низшие начальные училища относятся к I ступени, 4-7-е классы мужской гимназии и реального училища, 5-7-е классы женских гимназий, 4-е классы высших начальных училищ, 3-4-е классы торговой школы относятся ко II ступени.

Были закрыты восьмые дополнительные классы при женских гимназиях, вместо них начали действовать подготовительные университетские курсы. Во всех школах I ступени при бывших начальных училищах открылись четвертые отделения, где курс обучения был трехлетним, и пятое отделение, где курс был четырехлетним [4, л. 20].

Екатеринбургским губоно было принято решение о введении совместного обучения девочек и мальчиков, причем «при переходе мальчиков в женские и девочек в мужские учебные заведения нужно учитывать близость квартир учащихся к школе» [4, л. 20]. В это же время в связи с решением Наркомпроса о ликвидации разноместности в управлении образованием в ведение Екатеринбургского губоно были переданы общеобразовательные школы железнодорожного ведомства [5, л. 7].

Переход к централизованному управлению просвещением вовсе не означал, что большевистское руководство отказалось от определенных демократических форм для привлечения широких слоев учителей и родителей к деятельности образовательных учреждений. Правда, деятельность эта проходила под строгим контролем партийно-советских органов. Это касалось прежде всего деятельности школьных советов. Когда выяснилось, что в школьные советы школ II ступени Екатеринбурга вошли представители «нетрудовых элементов» (противники советской власти), губернский отдел народного образования принял решение о необходимости «очищения советов от этих элементов», для чего работникам губотдела Н. Д. Березовой и Р. Н. Фрумкиной было поручено выработать новые Положения о школьных советах школ I и II ступени [4, л. 22].

Согласно этому разработанному чиновниками положению школьный совет состоял из следующих представителей: а) «из всех работников данной школы; б) из представителей трудового населения в количестве $\frac{1}{2}$ всех школьных работников; в) из такого же числа учащихся старших возрастных групп с 12-летнего возраста; г) из одного представителя ОНО» [4, л. 22]. При этом

«представители трудового населения» избирались на районном собрании данной школы, в котором участвовали представители партийных организаций, всех профсоюзов и коммунистического союза молодежи (РКСМ) [4, л. 32]. О решающем влиянии РКП(б) и чиновников советов свидетельствует положение инструкции о том, что «выборы в школьный совет происходят под контролем представителя Отдела народного образования, а также школьного коллектива коммунистов и сочувствующих, причем последнему предоставляется в отношении отдельных лиц право отвода, который окончательно утверждается отделом народного образования» [4, л. 32].

С возвращением власти большевиков в Екатеринбурге изменилась деятельность профессиональных учительских организаций. Руководство Уральского педагогического союза бежало с Колчаком, а сам союз прекратил свое существование. По инициативе органов народного образования в Екатеринбурге в начале октября 1919 г. учителями было создано временное правление учительского профсоюза из трех человек [15. 28 окт.], а 12 октября того же года в Екатеринбурге открылся губернский съезд учителей, на котором было объявлено о создании профсоюза работников просвещения и социалистической культуры в губернском масштабе [5, л. 6]. Это объединение учителей находилось под контролем большевистского руководства. Современник описываемых событий, автор статьи по истории екатеринбургских школ в юбилейном сборнике «Екатеринбург за двести лет» Д. А. Киселев пишет, что в 1922 г. «в числе членов правления Губотдела просвещенцев имеется три коммуниста, которых учительство с полным сознанием заслуг коммунистической партии облакает доверием и вверяет им свою судьбу» [11, с. 245]. В 1922 г. губернский союз просвещенцев – Союз работников просвещения и искусств – объединил 10108 членов [14, с. 120].

Что касается существовавших с 1917 г. ученических организаций в школах II ступени, имеющих общедемократический характер, то уже в октябре 1919 г. Екатеринбургский губоно поставил вопрос об их ликвидации, признав их «излишними и чреватými в политическом отношении нежелательными явлениями» [4, л. 28]. Единственной молодежной политической организацией в учебных заведениях советским руководством признавался Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), хотя в Екатеринбургском уезде даже в конце 1920 г. из 2811 комсомольцев учащимися учебных заведений были лишь 600 человек [15. 18 дек.]. В мае 1920 г. Наркомпрос

РСФСР направил в губернии циркуляр об обязательном привлечении к работе школьных советов представителей Российского коммунистического союза молодежи [4, л. 139].

Екатеринбургские школы II ступени в 1919-1920 гг. по своему составу во многом сохраняли облик дореволюционных средних учебных заведений: подавляющее большинство учившихся в них не были выходцами из трудового населения. В то же время общественно-политическая активность и радикализм взглядов гимназистов и реалистов досоветского периода были значительно выше. В резолюциях проходившей в декабре 1920 г. конференции учащихся школ II ступени Екатеринбургской губернии совершенно отсутствовала постановка общественно-политических проблем. Резолюции и дискуссии касались лишь вопросов внутренней жизни учебных заведений [15. 17 дек.]. С другой стороны, учащиеся школ II ступени уклонялись от активного участия в деятельности органов школьного самоуправления. Корреспондент газеты «Уральский рабочий», присутствовавший на декабрьской (1920 г.) конференции представителей школ II ступени Екатеринбургской губернии, пишет: «Как это ни странно, но надо сознаться, что учащиеся сейчас более консервативны, чем это было три года назад» [15. 17 дек.].

На наш взгляд, это во многом объясняется запретом деятельности ученических организаций общедемократического характера и искусственным регулированием партийно-советским руководством состава школьных советов за счет введения в них преимущественно представителей от рабочих организаций. Политическая активность, направленная на поддержку мероприятий Советской власти, большинством бывших гимназистов и реалистов в исследуемый период в значительной степени не проявлялась.

Изменения в управлении общеобразовательными учреждениями с восстановлением Советской власти происходили на фоне ухудшения деятельности общеобразовательных школ в 1919-1920 гг. В чрезвычайных условиях гражданской войны школьные здания продолжали использоваться для постоя войск, размещения госпиталей, штабов и т. д. В декабре 1920 г. в Екатеринбургской губернии были заняты помещения 168 школ I ступени и 13 школ II ступени [15. 26 дек.]. В феврале 1920 г. коллегия Екатеринбургского губоно даже была вынуждена принять решение «категорически протестовать по поводу занятий школьных помещений под воинский постой, т. к.

это представляет почву для распространения эпидемий» [4, л. 97].

В условиях войны и разрухи в школах не хватало самого необходимого. В Екатеринбурге осенью 1920 г. учебные занятия проходили лишь в 61 % учебных дней. Причинами отмены уроков были отсутствие дров в школах и нехватка одежды и обуви у учащихся. В губернском центре в 1920 г. в 57 школах обучалось около 10 тыс. человек, классные комнаты были переполнены, многие школы вынуждены были работать в две смены, при этом в вечерние часы зачастую занятия проходили без электрического освещения [16. 4 янв.].

Декларировав основные параметры перестройки школы декретом ВЦИК «О единой трудовой школе» [10], в 1918-1919 гг. руководство Наркомпроса РСФСР в чрезвычайных условиях гражданской войны вынуждено было предоставить своим местным органам, образовательным учреждениям и учителям определенную свободу действий и творчества. Осенью 1919 г. Екатеринбургским губернским отделом народного образования была создана комиссия по пересмотру школьных программ и выработке новой программы единой трудовой школы. Губоно был объявлен конкурс по написанию учебника географии Екатеринбургской губернии и хрестоматии по ураловедению Екатеринбургской губернии [5, л. 7]. В докладе Екатеринбургского губоно на первом губернском съезде Советов отмечается: «Разделение школ на две ступени, устройство при них мастерских, лабораторий и кабинетов, опытного сада, огорода, реорганизация преподавания на основе трудового принципа, введение самообслуживания учащихся, школьного самоуправления, превращение таким образом таких школ в детскую коммуны – вот неотъемлемая задача Отдела» [5, л. 9].

Уже весной 1920 г. в екатеринбургских школах ученики стали «участвовать в трудовых процессах», работая в сапожных, переплетных, швейных, позже столярных мастерских. В ходе проведения посевной и уборочной кампаний в 1920 г. екатеринбургские школы силами школьных коллективов активно участвовали в полевых работах. По решению горсовета в школах I и II ступени стали проводить «клубные занятия». Для этого либо выделялся один день в неделю, либо было посвящено несколько часов в разные дни [15. 4 сент.]. Таким образом, попытки перехода к «новой школе» начинаются сразу же после освобождения Екатеринбурга от белогвардейцев. Однако следует согласиться с теми исследователями, занимающимися проблемами становления советской общеобразовательной

школы в первые годы советской власти, которые за исходную точку этого процесса берут 1920/21 учебный год [13; 2; 17]. Именно осенью 1920 г. предпринимаются попытки создания школ-коммун и школ-колоний. В Екатеринбурге в сентябре в восьми километрах от города была создана сельскохозяйственная детская колония, в которой обучались 15 подростков 14-16 лет. Вот как описывает ее деятельность газета «Уральский рабочий»: «Дети сами исполняют обязанности заведующего хозяйством, скотным двором, экономки, кастаньянши и пр. и в течение месячного срока со всеми формальностями сдают свою ответственность другим, заступающим на их место летом... 2 октября начались лекции по естествознанию, которые будут читаться в продолжение четырех месяцев, и затем теория соединится с практическими занятиями по скотоводству и по огородничеству. Вечером дети ходят на общеобразовательные курсы, и, кроме того, в будущем мальчики будут посещать слесарные и столярные мастерские, а девочки займутся шитьем и кройкой» [15. 10 окт.]. Конечно, в годы гражданской войны подобные попытки «создания трудовой школы» были лишь отдельными экспериментами, а подавляющее большинство школ Екатеринбурга осуществляло свою деятельность по старым программам и методикам. И это вполне соответствует установкам Наркомпроса РСФСР. Несмотря на то что в этом ведомстве программно-методические материалы были разработаны почти по всем предметам, в тезисах Наркомпроса о преподавании основных учебных предметов в школах II ступени (1919 г.) подчеркивалась необязательность примерных программ [3, с. 105].

Однако создание экспериментальных школ с переходом к мирному строительству имело свое продолжение. В 1921/22 уч. г. в главном городе Екатеринбургской губернии на улице Троцкого, 43 (сейчас это улица 8-го марта) действовала 18-ая опытно-показательная школа, в которой обучались 165 учеников [14, с. 105].

Серьезной проблемой в деятельности образовательных учреждений была нехватка преподавательских кадров. В докладе Екатеринбургского губоно о своей деятельности первому союзу Советов губернии осенью 1919 г. указывается: «Школьное дело в губернии обстоит далеко не блестяще... Если школы I ступени еще более или менее обеспечены учителями, то школа II ступени, бывшая средняя, совершенно разрушена бегством учителей с Колчаком. Этот недостаток сильно тормозит работу Отдела по осуществлению всеобщего обучения, вместо увеличения школ II ступени, приходится их сокращать [5, л. 3]. Если в феврале 1920 г. в

губернии было 93 школы II ступени [5, л. 18], то в декабре того же года 79 повышенных школ [15. 26 дек.].

Одним из главных направлений своей деятельности осенью 1919 г. Екатеринбургский губернский отдел считал проведение широкой агитационно-пропагандистской работы среди учительства, организацию мероприятий, знакомящих педагогов с основами советской единой трудовой школы. С 11 сентября по 5 октября 1919 г. в Екатеринбурге губоно были проведены курсы для учителей школ I ступени, на которых обучалось свыше 200 слушателей. На курсах учителя познакомились с основами трудовой школы, прослушали лекции о Советской конституции и общей политике страны Советов, расширили знания по методике преподавания родного языка, арифметики, природоведения. Кроме того, были устроены экскурсии, занятия по ручному труду, рисованию и лепке [5, л. 6].

Что касается преподавателей школ II ступени, недостаток которых ощущался особенно остро вследствие их ухода с белыми, то губоно отправил для учебы в Москву в Институт народного образования слушателей Екатеринбургского учительского института (который прекратил свою деятельность) и 40 человек стипендиатов из Екатеринбургского уезда. Причем одна половина из них была учителями. А другая – выходцами из рабоче-крестьянской молодежи [5, л. 6].

Следует отметить стабильное финансирование школьного дела в 1919-1920 гг. в Екатеринбургской губернии: с июля 1919 г. по февраль 1920 г. по бюджету школьного отдела губоно было отпущено 136200000 руб., из них почти 16000000 получили учебные заведения Екатеринбурга [5, л. 17]. Количество нулей, характеризующих бюджет, не должно пугать. Дело в том, что именно в этот период в советской России начинается суперинфляция, сопровождавшаяся громадным ростом цен. В Екатеринбурге в январе 1920 г. цены на муку возросли по сравнению с январем 1919 г. более, чем в три раза, на мясо – более, чем в 25 раз, на мыло – более, чем в 30 раз [14, с. 39. Подсчитано авторами]. И в дальнейшем рост цен продолжался.

Что касается зарплаты учителей, то в отчете губоно в феврале 1920 г. отмечается: «Учителя содержание получают аккуратно» [5, л. 19]. Впрочем, в условиях политики «военного коммунизма», когда рыночные отношения были крайне ограничены, гораздо большее значение, чем получение денег, имело регулярное снабжение учителей продуктовыми пайками, которое осуществлялось Советской властью в централизованном

порядке. В Екатеринбурге продукты на горячие завтраки, учебники и канцелярские принадлежности бесплатно получали также учащиеся общеобразовательных школ. Например, осенью 1920 г. таким образом снабжалось 9897 школьников в учебных заведениях города [6, л. 347]. При этом наряду с учащимися продуктовыми пайками бесплатно могли пользоваться и учителя [4, л. 116].

Давая оценку настроениям в учительской среде Екатеринбурга, уже упоминавшийся нами, Д. А. Киселев полагает, что перелом в отношении к Советской власти среди учителей, бежавших с Колчаком, начинается лишь в начале 1921 г., т. е. после того как в России в основном закончилась гражданская война [11, с. 245]. Однако документы свидетельствуют, что уже весной 1920 г. школьные работники начинают возвращаться из Сибири в города и уезды Екатеринбургской губернии и возобновляют свою педагогическую деятельность. Уже 17 апреля 1920 г. коллегия Екатеринбургского губоно заслушала вопрос «О приеме на службу возвращающихся из эвакуации с белыми учителями». Было принято решение учителей-беженцев на службу принимать, но назначать не в те уезды, в которых они работали прежде, а в другие [4, л. 134]. В мае уездным отделам народного образования губоно было дано указание снимать с должностей школьных работников, нарушивших апрельское постановление и работавших на прежних постах, которые они занимали до бегства в Сибирь. Более того, в постановлении подотдела Единой трудовой школы губернского отдела народного образования прямо указывалось, что «те из учащихся-беженцев, которые не соответствуют званию работников трудовой школы, не могут быть назначены на учительские должности ни в другой волости, ни в другом уезде» [7, л. 11].

Однако, несмотря на принимаемые советскими органами меры и возвращение школьных работников, ушедших с белыми, к концу 1920 г. в Екатеринбургской губернии в школах не хватало 900 учителей [15. 26 дек.]. Не хватало учителей и в Екатеринбурге, где местные власти были вынуждены даже осенью 1920 г. издать приказ о мобилизации всех, кто мог вести преподавательскую работу. Однако, несмотря на то что в ходе «мобилизаций» было зарегистрировано 45 учителей, отдел народного образования получил только 6 человек, остальные были отпущены в те учреждения, где они работали. В губернском центре учительский персонал был перегружен – большинство учителей имело более 56 недельных часов [16. 4 янв.].

В то же время в 1919/20 уч. г. общеобразовательных школ в Уральском регионе стало больше, чем до Первой мировой войны [8, с. 52]. Чтобы обеспечить работу такого большого количества школ, необходимо было привлечь к ней значительное число школьных работников, имеющих хотя бы элементарную педагогическую подготовку. Кроме того, учителя должны не просто быть лояльными по отношению к советской власти, а строго придерживаться в процессе своей деятельности идеологических установок большевистского руководства, для чего преподавателям надо было познакомиться хотя бы с элементами коммунистического мировоззрения. Вследствие этого в середине мая 1920 г. органы народного образования в Екатеринбурге принимают решение о проведении переподготовки преподавателей общеобразовательных школ на курсах, конференциях, семинарах, в кружках и т. д.

Екатеринбургский горсовет 22 мая 1920 г. издал распоряжение о том, что учителя города и уезда после окончания учебного года должны включиться в деятельность весенних и летних курсов переподготовки, а поэтому «должны находиться на своих местах неотлучно и вести работу» [9, с. 118].

В условиях «военного коммунизма» органы народного образования принимали меры для того, чтобы для учителей, посещающих курсы, сохранялась выдача продуктовых пайков и бесплатное обеспечение жильем во время работы курсов. На совещании руководящих работников уездных и районных отделов народного образования, проходившем в Екатеринбурге в мае 1920 г., отмечалось: «Должно быть обращено особое внимание на содержание курсантов. Как показал опыт, упущения в этом отношении оказывают большое влияние на весь ход занятий. Необеспеченность продовольствием и плохая квартира превращают интерес к трудовой школе, который, несомненно, чувствуется в массе учительства, в неприятную повинность. Курсы начинают плохо посещаться, у учительства только одна мысль, как бы поскорее выбраться из города» [9, с. 119].

Программа летних учительских курсов была рассчитана на 296 часов и включала два основных цикла – педагогический (192 часа) и общественно-политический (72 часа). В педагогическом цикле основными предметами были педагогическая психология и методика преподавания родного языка, математики, краеведения, обществоведения и истории, природоведения, рисования и лепки. В этом же цикле большое количество часов было отведено занятиям со слушателями курсов по организации отды-

ха школьников, организации школьных музеев и методике проведения экскурсий [6, л. 74]. В общественно-политическом цикле больше всего часов предусматривалось на изучение политики Советской власти в различных сферах общественной жизни. Специально изучались такие дисциплины, как история хозяйственного быта, история социализма, общественное движение в России и революция, экономическая география России, профсоюзное движение.

В дополнение к двум основным циклам слушатели в течение 32 часов обучались на курсах методике культурно-просветительской деятельности в деревне. Поскольку программа летних курсов предполагала подготовку учителей для работы в трудовой школе, было предусмотрено дополнительно по два часа ежедневно отводить групповым занятиям по методике проведения уроков «по трудовым процессам: ремесло – столярное, сапожное, переплетное, ручной труд с детьми младшего возраста» [6, с. 74].

Очень сложно было организовать в 1920 г. переподготовку в Екатеринбурге учителей школ II ступени, поскольку большая их часть имела высшее образование, и в качестве преподавателей на курсах требовались вузовские профессора, которых в Екатеринбурге тогда было очень мало. В этой ситуации часть учителей школ II ступени была командирована для занятий на курсы в Пермь, а для оставшихся губернский отдел народного образования с 10 по 17 августа 1920 г. провел в Екатеринбурге конференцию, на которой обсуждались вопросы реформы школы и проблемы школьного самоуправления. На конференцию в губернский центр были приглашены учителя школ II ступени из уездных городов. При этом всем приехавшим на учебу предоставлялось общежитие, питание и оплачивались дорожные расходы. Вместе с тем организаторы учебы предупреждали о том, чтобы «все участники конференции взяли с собой подушку, одеяло, кружку, так как этими предметами общежитие не оборудовано» [9, с. 120]. Учительские краткосрочные курсы в форме съездов проводились в Екатеринбурге и зимой 1920/21 уч. г. Помимо вопросов политического характера в рамках съездов изучались методы преподавательской работы [9, с. 120].

На 1 января 1922 г. в Екатеринбурге действовало 44 школы I ступени, в которых училось 5885 человек (в том числе 2659 мальчиков и 3226 девочек). В этих школах свою деятельность вел 191 школьный работник [14, с. 33]. На одного преподавателя екатеринбургской школы I ступени приходилось 22-23 ученика [14, с. 34]. В 9 школах II ступени губернского центра обучалось

958 школьников, в т. ч. мальчиков – 303, а девочек – 675 [14, с. 33], преподавало 43 учителя, т. е. один преподаватель приходился на 18 учеников [14, с. 34]. Однако еще не все дети, жившие в городе, были охвачены обучением. По переписи населения 1920 г. в Екатеринбурга грамотность населения школьного возраста составляла 79,5 % [14, с. 34].

Новый этап в развитии народного образования в Екатеринбурге начинается весной 1921 г., т. е. в период, когда гражданская война в России уже в основном закончилась. Резкое сокращение выделения государственных средств на развитие школьной сети в это время было связано с переходом большевиков от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике и с начавшимся летом 1921 г. голодом, последствия которого особенно остро стали сказываться уже в 1922 г.

Таким образом, после изгнания из Екатеринбурга белогвардейцев большевистское руководство еще в годы продолжавшейся гражданской войны предприняло попытки реформирования общеобразовательных школ города, руководствуясь постановлени-

ем ВЦИК РСФСР «О единой трудовой школе». Была ликвидирована разноведомственность общеобразовательных учебных заведений, было введено совместное обучение девочек и мальчиков, создано централизованное руководство школьной системой Екатеринбургской губернии. При этом деятельность образовательных учреждений теперь находилась под строгим контролем партийно-советских органов. В Екатеринбурге во второй половине 1919 г. – начале 1921 г. были предприняты попытки ввести в школах наряду с учебными предметами занятия по «трудовым процессам», создать экспериментальные школы-коммуны.

Уже в 1919/20 уч. г. учителя начальных школ и возвращающиеся из Сибири после бегства с колчаковцами преподаватели школ II ступени включились в учебную деятельность. Органами Советской власти в Екатеринбурге даже в условиях военного времени осуществлялась материальная поддержка учительства, проводились широкие курсовые мероприятия по профессиональной и политической подготовке и переподготовке педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтина И. Л., Попов М. В. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы российской революции (февраль 1917 – июнь 1918 гг.) // Педагогическое образование в России. – 2016. – №9.
2. Булыгина М. В. Школы Зауралья (70-е годы XVII в. – 20-е гг. XX в.). – Екатеринбург, 2008.
3. Бушчик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. – М., 1961.
4. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). – Ф. Р – 17. – Оп. 1. – Д. 6.
5. ГАСО. – Ф. Р. – 17. – Оп. 1. – Д. 17.
6. ГАСО. – Ф. Р. – 17. – Оп. 1. – Д. 46.
7. ГАСО. – Ф. Р. – 17. – Оп. 1. – Д. 167.
8. Гришанов П. В. Партийное руководство подготовкой учительских кадров Урала (1926–1941 гг.) // Партийные организации во главе культурного строительства. – Свердловск, 1978.
9. Игошев Б. М., Попов М. В., Елисафенко М. К., Суворов М. В. История развития педагогического образования в Екатеринбурге (1871–1930). – Екатеринбург, 2013.
10. Известия ВЦИК. – 1918. – 16 окт.
11. Киселев Д. А. Екатеринбургская школа в 1911–1923 гг. // Екатеринбург за двести лет (1723 – 1923). – Екатеринбург, 1923.
12. Клименко И. М., Попов М. В. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в период деятельности белогвардейских правительств (июль 1918 – июнь 1919 гг.) // Педагогическое образование в России. – 2017. – №3.
13. Корякин А. Н. Единая трудовая школа: проблемы создания и специфики в вятском регионе в 1920-х годах // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №3.
14. Советский Екатеринбург: справочник-путеводитель / сост. В. М. Быков. – Екатеринбург, 1922.
15. Уральский рабочий. – 1920.
16. Уральский рабочий. – 1921.
17. Чуфаров В. Т. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920 – 1937. – Свердловск, 1970.

REFERENCES

1. Bakhtina I. L., Popov M. V. Obshcheobrazovatel'nye shkoly i uchitel'stvo Ekaterinburga v gody rossiyskoy revolyutsii (fevral' 1917 – iyun' 1918 gg.) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2016. – №9.
2. Bulygina M. V. Shkoly Zaural'ya (70-e gody XVII v. – 20-e gg. XX v.). – Ekaterinburg, 2008.
3. Bushchik L. P. Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR. – M., 1961.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (dalee – GASO). – F. R – 17. – Op. 1. – D. 6.
5. GASO. – F. R. – 17. – Op. 1. – D. 17.
6. GASO. – F. R. – 17. – Op. 1. – D. 46.
7. GASO. – F. R. – 17. – Op. 1. – D. 167.
8. Grishanov P. V. Partynoe rukovodstvo podgotovkoy uchitel'skikh kadrov Urala (1926–1941 gg.) // Partynye organizatsii vo glave kul'turnogo stroitel'stva. – Sverdlovsk, 1978.

9. Igoshev B. M., Popov M. V., Elisafenko M. K., Suvorov M. V. Istoriya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v Ekaterinburge (1871–1930). – Ekaterinburg, 2013.
10. Izvestiya VTsIK. – 1918. – 16 okt.
11. Kiselev D. A. Ekaterinburgskaya shkola v 1911 – 1923 gg. // Ekaterinburg za dvesti let (1723–1923). – Ekaterinburg, 1923.
12. Klimenko I. M., Popov M. V. Obshcheobrazovatel'nye shkoly i uchitel'stvo Ekaterinburga v period deyatel'nosti belogvardeyskikh pravitel'stv (iyul' 1918 – iyun' 1919 gg.) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2017. – №3.
13. Koryakin A. N. Edinaya trudovaya shkola: problemy sozdaniya i spetsifiki v vyatskom regione v 1920-kh godakh // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. – №3.
14. Sovetskiy Ekaterinburg: spravochnik-putevoditel' / sost. V. M. Bykov. – Ekaterinburg, 1922.
15. Ural'skiy rabochiy. – 1920.
16. Ural'skiy rabochiy. – 1921.
17. Chufarov V. T. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala po osushchestvleniyu kul'turnoy revolyutsii. 1920 – 1937. – Sverdlovsk, 1970.